

DOI 10.24412/2076-8176-2024-4-38-54

История одной визитки Н.И. Вавилова: к атрибуции музеиного экспоната

Б.К. Ганнибал

Институт наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета;
Санкт-Петербург, Россия; b.gannibal@spbu.ru

100-летию афганской экспедиции Н.И. Вавилова посвящается

Визитная карточка [визитка] — не просто «традиционный носитель контактной информации о человеке или организации», как можно прочитать в Википедии, но и важное связующее звено между людьми, в данном случае деятелями научного сообщества, а иногда и между значимыми событиями. Эти «малые некнижные формы печати», как оказалось, в качестве свидетелей исторического процесса могут, подобно людям, подвергаться репрессиям и даже уничтожению. Так получилось и с визитками Н.И. Вавилова, которые, при огромном размахе общения ученого с коллегами, казалось бы, не могли стать редкостью, тем более исчезнуть. Тем не менее в экспозиции созданного еще в 1980 г. музея, посвященного нашему великому соотечественнику и расположенному в здании Всероссийского НИИ растениеводства [ВИР], носящего его имя, долгое время такой обычной вещи не было. Об истории ее появления в музее и связанных непосредственно с ней двух русских ботанико-географических экспедициях советского периода в Афганистане, в одном случае самого Н.И. Вавилова в 1924 г., в другом — сотрудника Ботанического института АН СССР [ныне БИН РАН] Л.Е. Родина в 1940—1941 гг., рассказывается в этой статье. Она выходит в год 100-летия знаменитой вавиловской афганской экспедиции и посвящена этому научному событию. Хотя героями повествования, как может показаться, являются два известных ученых, центральным объектом исследования в данном случае служит визитная карточка. Именно поэтому статью предлагается воспринимать как развернутую атрибуцию ценного экспоната кабинета-музея Н.И. Вавилова.

Ключевые слова: визитная карточка как мемория, Н.И. Вавилов, Л.Е. Родин, русские ботанические экспедиции, Афганистан, музей в ВИРе, Ботанический институт РАН.

Впервые история появления визитной карточки Н.И. Вавилова [Н.И.] у автора статьи была рассказана им же в ходе краткого выступления и презентации ее изображения перед участниками III Международной научной конференции «Идеи Н.И. Вавилова в современном мире», посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося ученого — растениевода, ботаника, генетика, систематика и географа. Заседания проходили в Большом конференц-зале здания Академии наук на Университетской набережной в Санкт-Петербурге, а программа включала, кроме прочего, посещение музея-кабинета ученого в ВИРе. В заключительный день конференции, 9 ноября 2012 г. в подарок этому музею, непосредственно в руки Н.И. Дзюбенко, на тот момент директора Института, Б.К. Ганнибалом была передана визитная карточка Николая Ивановича Вавилова (рис. 1).

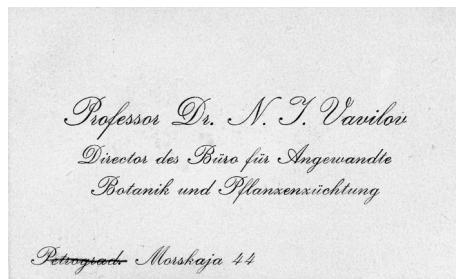

Рис. 1. Лицевая сторона визитной карточки Н.И. Вавилова

Fig. 1. Obverse side of N.I. Vavilov's visiting card

Ее сохранил в годы лихолетья, когда службой безопасности сталинского режима у «врагов народа» при аресте изымались все вещи, и в первую очередь книги и документы, известный уже в ту пору ботанико-географ, а в 70-е гг. прошлого века заведующий отделом геоботаники Ботанического института Леонид Ефимович Родин [Л.Е.]. Сам он умер в 1990 г., а некоторые рабочие бумаги «по праву наследства» остались у его младшего коллеги, в каком-то смысле преемника, сотрудника лаборатории растительности аридной зоны БИН РАН Б.К. Ганнибала. Немного позднее, случайно выпавшая из тех бумаг, вавиловская визитка оказалась уже в прямом смысле в руках автора данной статьи и была оценена им как будущий интересный экспонат упомянутого музея-кабинета Н.И. Вавилова, на сей момент так и остающийся, насколько нам известно, единственным из подобного рода документов, рапортом и, как показало дальнейшее «внутреннее расследование», — полноценной и богатой содержанием меморией.

Прежде всего, важно отметить время появления этой карточки как таковой. А напечатана она могла быть не ранее февраля 1920 г., когда Н.И. стал заведовать Отделом [Бюро] прикладной ботаники и селекции после смерти в конце января того же года своего предшественника — Р.Э. Регеля. Не могла она появиться и позднее момента, когда город официально получил новое название Ленинград, 26 января 1924 г., всего через 5 дней после кончины В.И. Ленина. В отношении немецкого языка, на котором был набран текст визитной карточки, надо заметить, что для ученого, посещавшего многие десятки стран мира и имевшего непосредственное общение с сотнями зарубежных коллег, наличие визиток на разных языках было обычным делом. Фактическое подтверждение этого общего соображения сам

автор статьи получил в 2012 г., когда посетил работавшую с 26 ноября по 21 декабря в Российском государственном историческом архиве [РГИА], в новом здании на берегу р. Оккервиль, историко-документальную выставку «125 лет со дня рождения академика Н.И. Вавилова. 1887–1943 гг.». Там были представлены документы (всего 250) из фондов самого этого архива, а также Российского государственного архива экономики, бывшего архива КГБ СССР, семейного архива Ю.Н. Вавилова и др., в том числе несколько визиток Н.И. на разных языках — русском, английском, испанском, немецком и французском. Интересное подтверждение самых широких и активных связей Н.И. с коллегами находим в статье И.А. Линчевского (1999), описавшего свою встречу с Н.И. в г. Ош в июне 1929 г., в период его подготовки к экспедиции в Кашгарию, а также конкретный случай, произошедший в те дни: прия на почту, Н.И. попросил продать ему 500 открыток (на самом деле ему нужно было 600), но на почте оказалось только 300, что вызвало его сильное неудовольствие.

Несмотря на ценность визитки как фондового предмета музея имени самого Н.И. Вавилова, наибольший интерес в нашем случае вызывает обратная сторона карточки (рис. 2) с автографом владельца, на которой его рукой написана просьба к библиотекарям ВИР выдать названную там статью предъявителю сей визитки. Собственно, это была просто рабочая записка на листке, которым оказалась, по случаю или специально (?!), уже устаревшая, не отвечавшая реалиям (другим стало название и города, и организации) визитная карточка.

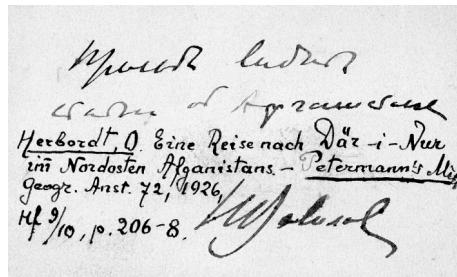

Рис. 2. Обратная сторона визитной карточки Н.И. Вавилова

Fig. 2. The reverse side of N.I. Vavilov's visiting card

Легко можно было предположить, что этим «предъявителем» являлся не кто иной, как Л.Е. Родин, тем более что название статьи на карточке, судя по почерку, написано именно им. Но когда и в связи с чем у молодого, хотя уже «старшего» научного сотрудника БИН, мог возникнуть интерес к Афганистану и почему для получения названной публикации понадобилось обращаться к самому директору Института? Ответ на часть вопросов затруднений не вызывает. Во-первых, геоботаник из БИНа знал Н.И. лично. Ведь тот с 1931 г. и до своего ареста в 1940 г. был Президентом Всероссийского географического общества (ВГО, ныне РГО), а Л.Е. — активным его членом: с 1933 г. он секретарь Отделения физической и математической географии, в 1939 г. стал председателем Комиссии пропаганды географических знаний, а в 1940 г. избран в состав Совета ВГО, и все это предполагало определенную простоту отношений и доступность директора ВИР для коллеги. Почти наверняка встреча состоялась в кабинете Н.И. На известной фотографии конца 1930-х гг. (рис. 3) среди вороха бумаг на рабочем столе Н.И. Вавилова, к со-

жалению, невозможно различить коробочки с новыми визитками или другими бумажками для записей, если таковые вообще существовали.

Рис. 3. Н.И. Вавилов за столом в своем рабочем кабинете.

Fig. 3. N.I. Vavilov at the table in his study.

Тема и смысл обращения Л.Е. к Вавилову заслуживают особого разговора. Безусловно, Л.Е. прекрасно знал о многомесячной экспедиции Н.И. 1924 г. в Афганистан и, вероятно, хотел посоветоваться или получить какую-то информацию напрямую от живого участника полевых исследований в сложном во всех отношениях регионе. В научном багаже Н.И. к моменту встречи была изданная через 5 лет после экспедиции более чем 500-страничная книга «Земледельческий Афганистан» (Вавилов, Букинич, 1929). Сразу заметим, что через 30 лет весь ее текст вошел в первый том издания «Вавилов Н.И. Избранные труды» (1959), редактором которого стал именно Л.Е. Родин. А в то время Н.И. был, вероятно, самым большим знатоком географии и ботанических особенностей этой страны. Одна из уже нынешних исследователей деятельности Н.И. обосновывает право причислять Н.И. Вавилова к числу «известных отечественных востоковедов-афганистов» (Рабуш, 2023, с. 180).

Совершая в 1916 г. первую большую экспедицию в Среднюю Азию, Н.И. посетил Северный Иран, Фергану и Памир и, проходя маршрутами вдоль границы Афганистана, как сам писал об этом позднее, «обнаружил там много любопытных, совершенно неизвестных в Европе разновидностей ржи и пшеницы. Эти находки заставили предположить, что центр разнообразия форм по этим растениям находится в самом Афганистане. Поэтому уже тогда возникла мысль о необходимости посещения этой страны. Кроме того, Афганистан привлекал внимание своей, неисследованностью вообще» (Афганistanская экспедиция, 1925, с. 82).

После того, как в 1920 г. Н.И. назначили заведующим Отделом прикладной ботаники и селекции, он мог уже более определенно строить стратегические планы по сбору ботанического материала в дальних странах, но другие срочные дела до поры до времени мешали реализации этой цели. Хотя уже в феврале 1921 г. между Афганистаном и Советской Россией был заключен Договор о дружбе, а в следующем году открылось постоянное представительство Советского Союза в Кабуле и три консульства — в Герате, Меймене и Мазари-Шерифе, и путешествие в эту страну стало реально возможным. 20 декабря 1922 г. Вавилов пишет возглавлявшему Среднеазиатское отделение своей организации А.К. Гольбеку: «Начал будировать

вопрос об экспедиции в Афганистан» (Резник, 2017, с. 370). Экспедиция была запланирована на вторую половину 1923 г., но уже 9 июля Н.И. сообщает Д.Н. Бородину: «Ее проведение как раз совпало с нотой Керзона и поэтому ее пришлось отложить» (Там же, с. 372). Действительно, Англия, признав независимость Афганистана в том же, что и СССР, 1921 г., продолжала сохранять самые тесные торговые и политические отношения с этой страной, а также значительное влияние на ее руководство. По насто-янию британского правительства в 1923 г. были закрыты два советских консульства из трех. В том же году с должности постпреда (то же — полпреда) Советской республики был отозван Ф.Ф. Раскольников, допустивший, как писали, «дипломатический раскол». Пламенного большевика весной 1924 г., когда на юге Афганистана уже начались спровоцированные Англией мятежи, сменил Леонид Николаевич Старк, «профессиональный дипломат, интеллигентный и обходительный человек» (Там же, с. 371). Именно этому человеку Н.И. во многом обязан тем, что экспедиция все-таки состоялась. Это ему Н.И. посвятил свою главную на тот период книгу «Земледельческий Афганистан», в которой при полном отсутствии фотографий самих участников экспедиции есть изображение дипломата (рис. 4).

Рис. 3. Полпред СССР Л. Н. Старк и афганский генерал в Алтимуре осенью 1924 г.
Fig. 3. The Ambassador of U. S. S. R., L. N. Stark and Afghan general in Altimur, Autumn, 1924.
Фот. Н. И. Вавилова.

Рис. 4. Полпред СССР в Афганистане (1924—1936) Л.Н. Старк.
Фото Н.И. Вавилова из книги «Земледельческий Афганистан» (1929, с. 9)
Fig. 4. Plenipotentiary Representative of the USSR in Afghanistan (1924—1936) L.N. Stark.
Photo by N. Vavilov from the book “Agricultural Afghanistan” (1929, p. 9)

Вавилов в то время обивал пороги Наркомзема и Наркомата иностранных дел, лично посещал с подарками афганское посольство в Москве, но ни разрешения, ни финансирования на проведение научной экспедиции так и не получил. Тогда был найден иной путь. Как писал сам Н.И.: «Участники экспедиции были зачислены в состав нашего полпредства в Афганистане: профессор Н.И. Вавилов в качестве референта по заключению торгового договора с Афганистаном, селекционер Сортоводо-Семеноводческого управления Сахаротреста В.И. Лебедев и инженер-агроном Д.Д. Букинич в качестве курьеров НКИ» (Резник, 2017, с. 371). Средства на столь долгожданное путешествие ассигновала богатая организация Сахаротрест, поставив условием, что одним из участни-

ков экспедиции будет ее представитель. Но вопрос и тогда затягивался, и только в начале мая 1924 г. Н.И. из Москвы начал свой путь в Туркестан. Вавилов писал: «Букинich уже выехал. С Афганистаном дело по-прежнему. Экспедицию в полном составе вряд ли впустят. Если удастся проехать, то одному, двум из нас. Ситуация внутри Афганистана не очень благоприятная, начались восстания» (Там же, с. 373). Несмотря на все сложности, экспедиция все-таки состоялась (рис. 5), и за период с 19 июля по 1 декабря 1924 г. был пройден маршрут в 4 500 км. Были обследованы Гератский район, Афганский Туркестан, Гаймагский и Бамианский районы, северные отроги Гиндукуша, Бадахшан, Кафиристан, Джелалабадский и Кабульский районы, Хазарийский путь (Герат — Кабул), путь от Кабула к Кандагару и дальше через Баквийскую и Гильмендскую пустыни в Фарах и Афганский Сеистан. Было собрано 3 720 образцов семенного материала и многое другое (только гербарий колосьев, хранящийся ныне в коллекции ВИР, превышает 2 000 листов). За эту экспедицию Русским географическим обществом Н.И. Вавилов был награжден медалью Н.М. Пржевальского. «Я проделал более 5 000 миль верхом и видел практически все сельскохозяйственные районы этой страны. Путешествие было довольно трудным, как это всегда бывает в первобытных странах», писал Н.И. (Там же, с. 391).

Рис. 5. Экспедиция в горах около Мазар-и-Шерифа.
(По фотогр. проф. Н. И. Вавилова).

Рис. 5. Экспедиция в горах около Мазар-и-Шерифа.
Фото Н.И. Вавилова (Афганистанская экспедиция, 1925)

Fig. 5. Expedition in the mountains near Mazar-i-Sherif.
Photo by N. Vavilov (Afghanistan Expedition, 1925)

Именно к такому специалисту по Афганистану пришел Л.Е. Родин. Никто из участников встречи не оставил каких-либо заметок по этому поводу, и свидетельствует о ней лишь визитка с рекомендацией Н.И. своему коллеге обратиться к конкретному источнику, а именно к статье «Herbordt Oscar Eine Reise nach “Dar-i-Nur” im Nordosten Afghanistans» (Petermanns Mitteilungen, 1926, 72, 9/10). Упомянутый в названии округ Дарай-Нур находится в провинции Нангархар, граничащей на востоке Афганистана тогда с Индией, а ныне с Пакистаном, и расположен недалеко от г. Джелалабада. Альманах «Petermanns Geographische Mitteilungen», основанный немецким картографом Августом Петерманном (1822–1878), имел своей целью информирование публики о новейших результатах научно-исследовательских экспе-

даций и издавался в г. Гота, Германия. Нет оснований сомневаться, что Л.Е. эту статью получил и прочел, хотя поиск автором данной статьи оттиска этой публикации в библиотеке ВИР уже в наше время успехом не увенчался.

Остается вопрос: когда состоялся разговор между учеными, когда Н.И. Вавилов мог передать своему гостю эту визитку? Учитывая тот известный факт, что летом 1940 г. по поручению Наркомзема СССР Н.И. Вавилов возглавил агроботаническую экспедицию в западные области УССР и БССР, недавно воссоединенные с этими республиками, а 6 августа того же года в Черновцах был арестован, встреча могла состояться не позднее июля 1940 г. Более определенно о ее дате можно говорить только тогда, когда будут установлены собственно научная или иная задачи Л.Е. и конкретный повод его обращения к директору ВИР. Прямых документальных свидетельств проявления интереса геоботаника из БИНа к Афганистану до встречи с Н.И., к сожалению, мы до сих пор не имеем, однако совершенно точно знаем, что уже в сентябре 1940 г. Л.Е. оказался в этой стране и провел там 4,5 месяца, практически столько же времени, сколько и Н.И. Вавилов в 1924 г.

Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Его Величества Короля Афганистана о борьбе с вредителями и болезнями хлопчатника было подписано в Кабуле еще 26 мая 1938 г., и его действие было рассчитано на 3 года. На осень 1940 г. была намечена соответствующая, возможно итоговая, конференция. Насколько в этом процессе участвовал Ботанический институт и с какого момента о предстоящей поездке знал непосредственно Л.Е. Родин, из официальных документов нам не известно. Данные архива АН СССР (Санкт-Петербургский филиал архива РАН — СПбФ АРАН) свидетельствуют о том, что в 1937 г. он спокойно работает в Ботаническом институте, участвует в экспедиции в Калмыкию и Сталинградскую область, в 1938 г. им составлены карты растительности междуречья Волги и Урала. В штатном расписании института по приказу № 191 от 14 ноября 1939 г. Л.Е. Родин значится старшим научным сотрудником с окладом в 700 руб. + 100 руб. за исполнение обязанности ученого секретаря Отдела геоботаники¹. Отгуляв 30-дневный отпуск в январе, он возвращается на работу 4 февраля 1940 г.², а с 4 по 11 апреля, что нам может быть интересно, он находился в командировке в Москве, выясняя неназванные в документах вопросы по неизвестной экспедиции³. Скорее всего, именно с этого момента Л.Е. Родин начинает готовиться к поездке в Афганистан, хотя вопросами сельского хозяйства ни в БИНе в целом, ни тем более в Отделе геоботаники напрямую никогда не занимались. Впрочем, в начале 1930-х гг. Л.Е. прославился находкой в Средней Азии одного перспективного каучуконосного растения, за что получил Малую серебряную медаль на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве 8 июня 1940 г.

Сама же V Советско-афганская конференция по борьбе с вредителями и болезнями с/х культур, в которой участвовали советские делегаты А.А. Костылев, А.К. Маркин и Л.Е. Родин, состоялась в Кабуле в сентябре 1940 г., а к ней требовалась подготовка, особенно имея в виду то обстоятельство, что сразу после конференции предполагалась длительная поездка по стране. Результаты этой поездки,

¹ СПбФ АРАН. Ф 273. Оп. 1. 1939. № 54. Приказы по БИНу с 26 авг. 1939 по 6 авг. 1940.

² Приказ № 208 от 5 февраля 1940 г. § 14.

³ Приказ № 36 от 8 апреля 1940 г. § 8.

заметим, кратко описаны лишь в статье «Географические сдвиги в хлопководстве Афганистана» (Родин, Маркин, 1945), где приведена схема размещения посевов хлопчатника в Афганистане на 1940 г., а по существу — карта их маршрута. В конце статьи указана дата ее поступления в редакцию Известий Всесоюзного географического общества: март 1941 г.

Возвращаемся к документам 1940 г. В конце мая, согласно Приказу по БИНу⁴, Л.Е. вместе с заведующим Отделом геоботаники Е.М. Лавренко и еще двумя сотрудниками (ст. науч. сотр. Я.Я. Васильев и ст. науч. сотр. А.П. Шенников) опять командируется в Москву⁵, уже в Совет по изучению производительных сил при АН СССР (СОПС) на совещание по естественно-историческому районированию. В конце июля Л.Е. берет недельный отпуск, а по возвращении на работу знакомится с приказом, которым предписано «снс кбн Родина Л.Е. с 23 августа до 23 декабря с. г. считать временно откомандированным в распоряжение Наркомзема СССР для выполнения спец. поручения со снятием с зарплаты по БИНу»⁶. Новым приказом в сентябре зарплата, однако, возвращается в Институт, но срок командировки продлевается сначала до 1 января 1941 г., а вскоре, согласно ноябрьскому приказу⁷, когда Л.Е. реально уже находился в Афганистане, до 1 июля 1941 г. Ни цель командировки, ни место ее проведения при этом ни разу не называются. На фотографии того времени (рис. 6) мы видим Л.Е. вместе со своим отцом, Ефимом Степановичем Родиным, заехавшим в Ленинград из Ташкента.

Рис. 6. Л.Е. Родин со своим отцом у здания Гербария БИН. Ленинград, сентябрь 1940 г.
Из личного архива Л.Е. Родина

Fig. 6. L.E. Rodin with his father near the building of the Herbarium of the Botanical Institute. Leningrad, September 1940. From the personal archive of L.E. Rodin

⁴ Приказ № 55 от 28 мая 1940 г. § 9 (с. 130).

⁵ Приказ № 208 от 5 февраля 1940 г. § 14.

⁶ Приказ № 93 от 22 августа 1940 г. § 6 (с. 27).

⁷ Приказ № 131 от 10 ноября 1940 г. § 5 (с. 64).

Итак, Л.Е. Родину осенью 1940 г. предстояло выполнить некое «спецпоручение», о подробностях которого узнать нам пока не дано, при том, что настоящим специалистом по карантинным вредителям хлопчатника в этой поездке был не он, а его коллега Алексей Кузьмич Маркин⁸. Как и в 1924 г., так и в конце 1930-х гг. политическая ситуация в регионе была напряженной. С одной стороны, Советским Союзом оказывалась заметная помощь в развитии сельского хозяйства Афганистана, в частности, по борьбе с вредителями растений. Были построены хлопкоочистительные предприятия на севере страны в Кундузе, Мазари-Шарифе, Имам-Саиде. С другой стороны, на фоне общего роста напряженности в мире крайне осложнилась обстановка в приграничных государствах юга страны — в Турции, Иране и том же Афганистане. Германия заметно усиливала здесь свое экономическое и политическое влияние, ее представители проникали в афганские госучреждения и даже в национальный банк. Гитлеровские агенты, работавшие под видом экспертов и коммерсантов, развернули активную антисоветскую деятельность, создавая угрозу нейтралитету страны и условиям советско-афганского Договора о взаимном ненападении (История Афганистана, 1982, с. 249–250). Заключению еще в 1926 г. столь важного для будущих отношений с Афганистаном Договора мы должны быть обязаны упомянутому выше советскому полпреду Л.Н. Старку, к тому времени уже отозванному сначала в Москву, а в 1937 г. расстрелянному.

В апреле 1940 г. Л.Е. Родину, вероятно, уже была определена и названа обусловленная предвоенной ситуацией задача. Сама же территория в какой-то степени была ему знакома по работе в смежных с Афганистаном районах Средней Азии и вполне соответствовала его научным интересам. Там же (в Ташкенте) уже больше 10 лет жила семья его отца. Только после получения этого задания⁹ он мог начинать готовиться непосредственно к экспедиции в Афганистан, и с этого момента встреча с Н.И. Вавиловым становилась практически неизбежной, а реально состоялась, по нашим расчетам, в мае или июне 1940 г.

Стоит обратить внимание на то, что в этот же, буквально предвоенный, период в Отделе геоботаники БИН, при отсутствии официально обозначенной тематики, несколько сотрудников, среди которых Л.Е. не значился, занимались составлением карт Афганистана и Турции и тщательным изучением природы этих стран по литературе. В начале 1941 г. была закончена работа А.В. Прозоровского и И.А. Линчевского по оформлению рукописи «Растительность Афганистана». О ней упоминается в небольшой статье «Памяти А.В. Прозоровского» (Лавренко, Родин, 1946), помещенной в разделе «Потери науки». Ее машинописный вариант («около 15 п. л. 1940–1941»), как указывалось в публикации, хранился в архиве БИН РАН. Там же он находится и сейчас, в коробке с надписью: «Линчевский». В свое время, по понятным причинам, текст опубликован не был, но еще во время войны вышла небольшая статья по этим материалам в Ботаническом журнале (Линчевский,

⁸ В 1951 г. А.К. Маркин защитил диссертацию на тему «Розовый червь (Хлопковая моль — *Pectinophora gossypiella* Saunders): карантинный вредитель хлопчатника и система мероприятий по охране от него хлопководства Союза ССР».

⁹ Еще одно спецзадание «подполковник» Л.Е. Родин выполнял по поручению Особого комитета ГКО и Президиума Академии наук СССР уже в начале мая 1945 г. в Берлине, и тоже по форме вполне ботаническое (Сытин, Ганнибал, 2017).

Прозоровский, 1944), когда А.В. Прозоровского уже не было в живых¹⁰. Немного позднее его соавтором был подготовлен и опубликован более пространный (на 36 страницах) вариант текста под названием «Основные закономерности распределения растительности Афганистана» (1946). В нем, на стр. 185 сборника, есть такое замечание: «Незадолго до окончания нашей работы вернулся из командировки в Афганистан ст. науч. сотрудник БИН <...> Л.Е. Родин, который охотно взялся просмотреть нашу рукопись <...>. По мнению Л.Е. Родина, сделавшего в течение 4,5 месяцев своего пребывания в Афганистане целый ряд интересных маршрутов, основные черты и характер распределения растительности Афганистана были выявлены нами достаточно верно». Более поздняя попытка И.А. Линчевского издать весь труд [300 машинописных страниц] по каким-то причинам не удалась.

Сам Л.Е. Родин обращался к своей афганской экспедиции в публикациях несколько раз, но крайне ограниченно как по объему текста, так и по содержанию. Первая, упомянутая выше, статья, написанная им вместе со своим спутником, была представлена в Вестнике Географического общества в разделе «Мелкие статьи» (Родин, Маркин, 1945). Примечательно, что свою поездку авторы называют не экспедицией, а «экскурсией», хотя по указанной там протяженности (7,5 тыс. км), она значительно превосходила экспедицию Н.И. Вавилова (4,5 тыс. км). Приводимые в публикациях обоих ученых схематические карты маршрутов по территории Афганистана (рис. 7а и 7б) не позволяют оценить достоверность этих данных.

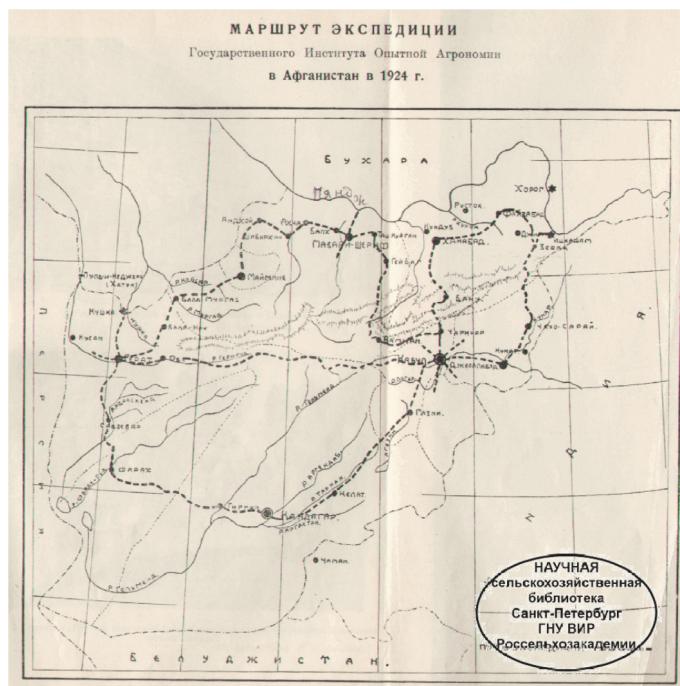

Рис. 7а. Маршрут экспедиции Н.И. Вавилова в 1924 г. (Афганистанская экспедиция, 1925)

Fig. 7a. The route of N.I. Vavilov's expedition in 1924 (Afganistanskaya ekspeditsiya, 1925)

¹⁰ В 1942 г. А.В. Прозоровский погиб при выезде из блокадного Ленинграда.

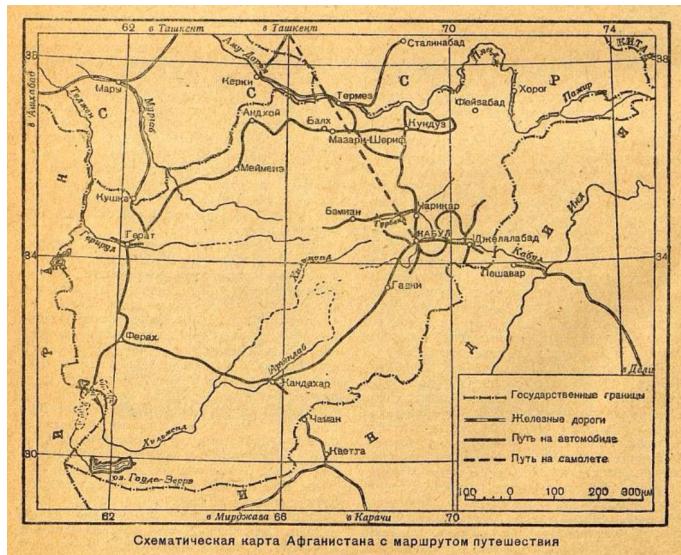

Рис. 76. Маршрут экспедиции Л.Е. Родина в 1940–1941 гг. (Родин, 1947)

Fig. 7b. The route of L.E. Rodin's expedition in 1940–1941 (Rodin, 1947)

В книге «Земледельческий Афганистан», в которую включено более десятка разных и интересных карт, делается справедливое для всех горных стран замечание о том, что практически все существующие современные дороги являются в своей основе древними тропами, подчас единственно возможными путями в сложнейших условиях высокогорного рельефа. И пути эти по афганской территории в 1924 и в 1940 гг. проходили в целом по одним и тем же местам (рис. 8).

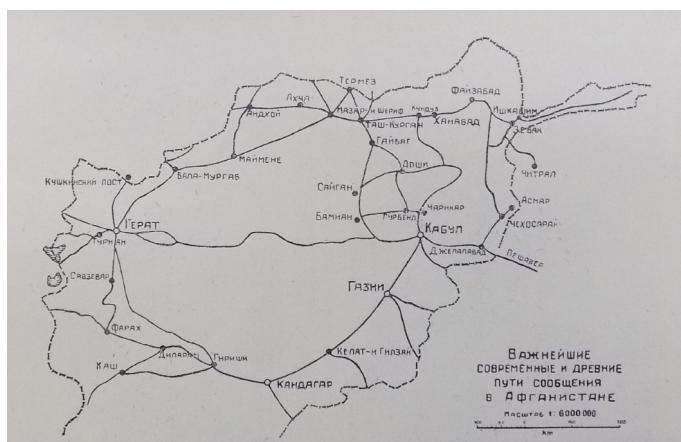

Рис. 8. Схема основных исторических дорог Афганистана (Вавилов, Букинич, 1929, с. 498)

Rice. 8. Scheme of the main historical roads of Afghanistan (Vavilov, Bukiich, 1929, p. 498)

Пытаясь объяснить причину различий в протяженности маршрутов, можно предположить, что Л.Е. с товарищами перемещался по уже более качественным

[прошло 16 лет] дорогам и, понятно, гораздо быстрее. В его небольшой статье в журнале «География в школе» (Родин, 1947, с. 37) читаем: «Всего 20–25 лет назад путешествовать по Афганистану было очень трудно. Многие недели и месяцы нужны были, чтобы объехать страну. Надо было иметь свой караван верблюдов и лошадей, которые бы несли запас продовольствия, палатки, одежду и даже корм для самих себя <...>. Сейчас все это сильно изменилось <...> По всему Афганистану — этой стране гор — можно свободно проехать на автомобиле. Появились хорошие дороги, через реки переброшены мосты, установлены бензиновые колонки и на ночь не надо разбивать палатку и выставлять часовых». Понятно политически обусловленное приукрашивание ситуации в издании, предназначенном для советских учителей. Но главная причина различий, по нашему мнению, состояла в том, что цель команды Вавилова была преимущественно сугубо научной и требовала длительных остановок для сбора полевого материала. Вот что он писал впоследствии: «Путешествие было, пожалуй, удачное, обобрали весь Афганистан, пробрались к Индии....» (Резник, 2017, с. 392). «Экскурсии» же группы Родина, проводимые еще и в сопровождении местного чиновника департамента земледелия, судя по всему, таких задач ставить не могли и не ставили. Действительно, а где материал сборов в процессе четырехмесячной работы? Нет ни самого материала, ни его следов в виде отчетов и соответствующих масштабам поездки публикаций. Кроме того, обе экспедиции — одна частично, другая полностью — занимались изучением географии посевов хлопчатника и мест его переработки. Представленные карты размещения этой отрасли по территории в целом очень похожи (рис. 9а и 9б). При этом текст двенадцатой главы «Хлопководство в Афганистане» (Вавилов, Букинич, 1929, с. 389–407) объемнее и содержательнее шестистраничной статьи коллег «Географические сдвиги в хлопководстве Афганистана» (Родин, Маркин, 1945), что заставляет думать о специфических задачах последней экспедиции, если, конечно, вдруг не обнаружатся массы полевых материалов и записей в каком-нибудь из архивов Москвы или Ташкента.

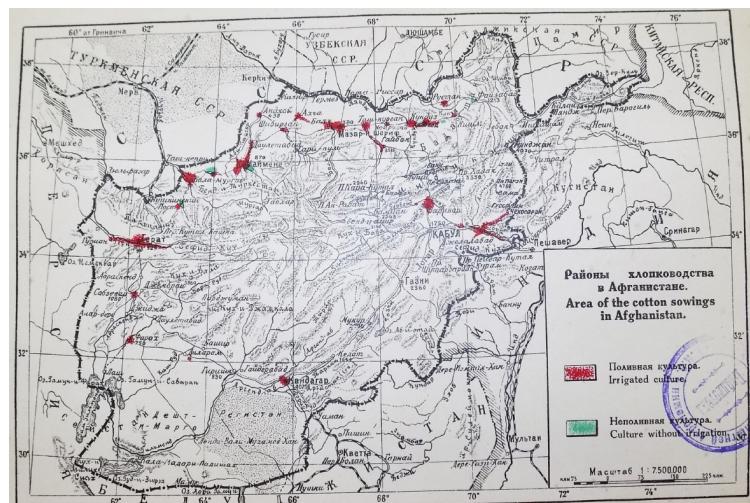

Рис. 9а. Размещение культуры хлопчатника на территории Афганистана:
по данным экспедиции Н.И. Вавилова (1924)

Fig. 9a. Location of cotton culture on the territory of Afghanistan:
according to the data of the expedition of N.I. Vavilov (1924)

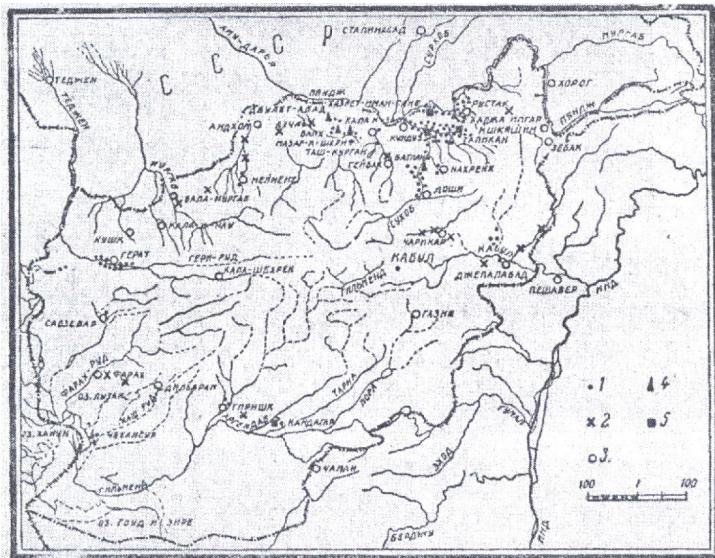

Рис. 9б. Размещение культуры хлопчатника на территории Афганистана:
по данным экспедиции Л.Е. Родина (1940–1941)

Fig. 9b. Location of cotton culture on the territory of Afghanistan:
according to the data of the expedition of L.E. Rodin (1940–1941)

Л.Е. Родин вернулся домой из Афганистана в феврале 1941 г. Существует снимок, определенно заказной и сделанный известным фотокорреспондентом ТАСС Марком Борисовичем Марковым-Гринбергом (рис. 10), который датируется мартом того же года. На нем зафиксирован момент встречи ленинградских ботаников с приехавшим из Москвы академиком В.Л. Комаровым, имя которого незадолго до этого было присвоено Ботаническому институту Академии наук СССР. Есть на этой фотографии и директор БИН, подписывавший приказы по командировкам Л.Е., и известный историк ботанической науки, и лауреаты Сталинской и Государственной премий. Среди избранных свое и, видимо, неслучайное место занимает только что вернувшийся «со спецзадания» 34-летний Леонид Ефимович Родин. Вскоре после этого события начнется война, Л.Е. уйдет рядовым на фронт, а в 1943 г. будет отозван из армии и продолжит заниматься своим профессиональным делом находясь в Москве. К старым записям и памяти о полевых маршрутах в Афганистане он будет обращаться уже только в некоторых научно-популярных публикациях, среди которых первой станет статья в журнале «География в школе» (Родин, 1947). Следующий небольшой материал по Афганистану появится через много лет в книге «По южным странам» (Родин, 1968): посвященная афганским впечатлениям глава там называется «На землях Бактрианы». В последней своей книге из этого ряда — «На разных широтах. Путевые очерки ботаника и географа» (1988) Л.Е. планировал ввести главу «Афганистан. 1940–1941», затем заменив ее название на сугубо географическое — «По обе стороны Гиндукуша». В итоге, сохранившийся в его архиве машинописный текст (30 страниц) так и не вошел в это издание. А незаконченная при жизни книга путешествий Н.И. Вавилова под названием «Пять континентов» (1962), собранная благодаря друзьям и коллегам из чудом сохранившихся фрагментов текстов, переиз-

давалась не раз. Афганская их часть разделена на главы: Путешествие в Афганистан, Путешествие по Нуристану, Южный Афганистан, и также в целом, увы, невелика (не более 30 страниц текста в изданиях разных форматов). Оба они, люди науки, понимали важность живого слова, популярного изложения фактов и своих впечатлений о природе и людях других стран и континентов.

Рис. 10. Участники встречи ботаников с академиком В.Л. Комаровым (Ленинград, март 1941 г.): слева направо Н.В. Павлов, С.Ю. Липшиц, Л.Е. Родин (стоит), Б.К. Шишкун, В.С. Порецкий (стоит). Из личного архива Л.Е. Родина

Fig. 10. Participants of the meeting of botanists with Academician V.L. Komarov (Leningrad, March 1941): from left to right: N.V. Pavlov, S.Y. Lipshits, L.E. Rodin (standing), B.K. Shishkin, V.S. Poretsky (standing). From the personal archive of L.E. Rodin

Главным героем нашей статьи стала визитная карточка, объединяющая в истории науки двоих знаменитых русских ботаников, представителей двух известных отечественных научных институтов и две довоенные экспедиции в Афганистан. Это одна из карточек того самого печатного набора, изготовленного в период с 1920 по начало 1924 г., который должен был брать с собой в экспедицию Н.И. Вавилов. Нельзя исключать того, что и описываемый здесь экземпляр визитки, представленный ныне в родном для нее кабинете-музее ВИР, «посещал» Афганистан в компании себе подобных, но оказался там не востребованным, вернулся домой, а затем... через 15 лет... во время встречи с Л.Е. Родиным в мае-июне 1940 г. был использован Н.И. Вавиловым не просто в качестве «оборотки», а сознательно, как символический знак преемственности важных научных задач и смыслов от одной афганской экспедиции к другой, от одного поколения русских ученых следующему. Богатая личность великого ученого позволяет сделать такое предположение.

Литература

Афганистанская экспедиция (из доклада проф. Н.И. Вавилова в открытом заседании Совета Г.И.О.А. об экспедиции в Афганистан в 1924 г. // Известия Государственного Института опытной агрономии. 1925. С. 82–90.

Вавилов Н.И., Букинich Д.Д. Земледельческий Афганистан. Приложение 33-е к Трудам по прикладной ботанике, генетике и селекции. Л.: Изд. Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур при СНК СССР и Гос. института опытной агрономии НКЗ РСФСР, 1929. 610 с.

Вавилов Николай Иванович (1887–1943). Избранные труды: в 5 т. М. — Л.: АН СССР, 1959–1965; Т. 1: Земледельческий Афганистан / Отв. ред. Л. Е. Родин. 1959. 415 с.

Вавилов Н.И. Пять континентов. М.: Географизгиз, 1962. 256 с.

История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Мысль, 1982. 308 с.

Лавренко Е.М., Родин Л.Е. Памяти А.В. Прозоровского // Советская ботаника. 1946. № 2. С. 129–135.

Линчевский И.А. Воспоминания о встречах с Вавиловым // Ботанический журнал. 1999. Т. 84. № 4. С. 117–122.

Линчевский И.А., Прозоровский А.В. К познанию растительности Афганистана // Ботанический журнал. Т. 29. 1944. № 4. С. 114–121.

Линчевский И.А., Прозоровский А.В. Основные закономерности распределения растительности Афганистана // Сборник научных работ Ботанического института им. В.Л. Комарова Академии наук СССР, выполненных в Ленинграде за три года Великой Отечественной войны (1941–1943). Л., 1946. С. 183–218.

Прозоровский А.В., Линчевский И.А. Растительность Афганистана. Рукопись. 1940–1941. Около 15 печ. л. Архив БИН.

Рабуш Т.В. «Земледельческий Афганистан» Н.И. Вавилова и его вклад в развитие отечественной афганистики // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2023. С. 73–83.

Резник С.Е. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его времена. М.: Захаров, 2017. 1056 с.

Родин Л.Е. Афганские очерки // География в школе. 1947. № 5. С. 37–45.

Родин Л.Е. На разных широтах. Путевые очерки ботаника и географа. М.: Мысль, 1988. 288 с.

Родин Л.Е. По южным странам. М.: Мысль, 1968. 286 с.

Родин Л.Е., Маркин А.К. Географические сдвиги в хлопководстве Афганистана // Известия ВГО. 1945. Т. 77. Вып. 3. С. 155–160.

Сытин А.К., Ганибаль Б.К. 2019. Воспоминания Л. Е. Родина об А.И. Ильинском // Растительность России. № 35. С. 103–110 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.31111/vegrus/2019.35.103>.

Dedicated to the 100th anniversary of the Afghan expedition of N.I. Vavilov

The Story of a Visiting Card by N.I. Vavilov: Towards the Attribution of a Museum Exhibit

BORIS K. GANNIBAL

Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University. St. Petersburg. Russia;
 b.gannibal@spbu.ru

A business card serves a function that extends beyond the mere conveyance of contact information. As Wikipedia notes, it is “a traditional carrier of contact information about a person or organization.” However, it is also an important link between people, particularly members of the scientific

community. In some instances, it can even bridge the gap between significant events. As it transpired, these “small non-book forms of printing,” as witnesses to the historical process, could also be subjected to repression and even destruction, in a manner analogous to that experienced by individuals. This is exemplified by the fate of N.I. Vavilov’s business cards. Given the extensive communication network of the scientist and his colleagues, it is surprising that these cards have not become a rarity, let alone disappeared entirely. Nevertheless, in the exposition of the museum created back in 1980, dedicated to our great compatriot and located in the building of the All-Russian Research Institute of Plant Industry (VIR), which bears his name, for an extended period of time, there was no such ordinary item on display. Regarding the history of its appearance in the museum and two Russian botanical and geographical expeditions to Afghanistan of the Soviet period, one involving N.I. Vavilov himself in 1924 and the other conducted by L.E. Rodin, an employee of the Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences between 1940 and 1941. It was published in the year marking the centenary of the celebrated Vavilov Afghan expedition and is dedicated to this scientific event. Although the protagonists of this narrative appear to be two esteemed scientists, the primary focus of investigation is, in fact, a business card. It is therefore proposed that the article be regarded as a comprehensive attribution of a significant item from the N.I. Vavilov Cabinet-Museum collection.

Keywords: visiting card as a memoria, N.I. Vavilov, L.E. Rodin, Russian botanical expeditions, Afghanistan, museum in VIR, Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences.

References

- Afganistanskaia èkspeditsiia (iz doklada prof. N.I. Vavilova v otkrytom zasedanii Soveta G.I.O.A. ob èkspeditsii v Afganistan v 1924 g. (1925) [The Afghanistan Expedition (from the report of Prof. N.I. Vavilov on the expedition to Afghanistan in 1924], *Izvestiia gosudarstvennogo instituta opytnoi agronomii*, 82–90 (in Russian).
- Gankovsskiĭ, Iu.V. (Ed.). (1982). Istorija Afganistana s drevneishikh vremen do nashikh dnei [Afghanistan from ancient times to the present day]. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Lavrenko, E.M., Rodin, L.E. (1946). Pamjati A.V. Prozorovskogo [In memory of A.V. Prozorovsky], *Soviet botanika*, 2 (in Russian).
- Linchevskii, I.A. (1999). Vospominaniia o vstrechakh s Vavilovym [Memories of meetings with Vavilov], *Botanicheskiĭ zhurnal*, 84 (4), 117–122 (in Russian).
- Linchevskii, I.A., Prozorovskii, A.V. (1944). K poznaniiu rastitel'nosti Afganistana [To the Knowledge of the Vegetation of Afghanistan], *Botanicheskiĭ zhurnal*, 29 (4), 114–121 (in Russian).
- Linchevskii, I.A., Prozorovskii, A.V. (1946). Osnovnye zakonomernosti raspredeleniya rastitel'nosti Afganistana [The main regularities of the distribution of vegetation in Afghanistan]. Sbornik nauchnykh rabot Botanicheskogo instituta im. V.L. Komarova Akademii nauk SSSR, vypolnennykh v Leningrade za tri goda Velikoî Otechestvennoî voïny (1941–1943). Leningrad, 183–218 (in Russian).
- Prozorovskii, A.V., Linchevskii, I.A. (1940–1941). *Rastitel'nost' Afganistana* [Vegetation of Afghanistan]. Rukopis'. Arkhiv BIN (in Russian).
- Rabush, T.V. (2023). “Zemledeľ'cheskiĭ Afganistan” N.I. Vavilova i ego vklad v razvitiye otechestvennoi afganistiki [“Agricultural Afghanistan” by N.I. Vavilov and his contribution to the development of national Afghan studies]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 73–83 (in Russian). DOI: 10.25688/20-76—9105.2023.50.2.12
- Reznik, S.E. (2017). *Èta korotkaia zhizn'*. Nikolai Vavilov i ego vremia [This short life. Nikolai Vavilov and his time]. Moscow: Zakharov (in Russian).
- Rodin, L.E. (1947). Afganskie ocherki [Afghan Essays], *Geografija v shkole*, 5. Moscow: Uchpedgiz, 37–45 (in Russian).
- Rodin, L.E. (Ed.). (1959). Vavilov Nikolai Ivanovich (1887–1943). Izbrannye Trudy [Vavilov Nikolai Ivanovich (1887–1943). Selected works]. T. 1: Zemledeľ'cheskiĭ Afganistan [Agricultural Afghanistan] (in Russian).
- Rodin, L.E. (1968). *Po iuzhnym stranam* [By southern countries]. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Rodin, L.E. (1988). *Na raznykh shirotakh. Putevye ocherki botanika i geografa* [At different latitudes. Travel Essays of a Botanist and Geographer]. Moscow: Mysl' (in Russian).

Rodin, L.E., Markin, A.K. (1945). Geograficheskie sdvigi v khlopkovodstve Afganistana [Geographical shifts in cotton growing in Afghanistan], *Izvestia vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva*, 77 (3), 155–160 (in Russian).

Sytin, A.K., Gannibal, B.K. (2019). Vospominaniia L.E. Rodina ob A.I. Il'inskom [L.E. Rodin's memoirs of Ilyinsky], *Rastitel'nost' Rossii*, 35, 103–110 (in Russian). Retrieved from <https://doi.org/10.31111/vegrus/2019.35.103>.

Vavilov, N.I. (1962). *Piat' kontinentov* [Five continents]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury (in Russian).

Vavilov, N.I., Bukiinich, D.D. (1929). *Zemledel'cheskiy Afganistan* [Agricultural Afghanistan]. Prilozhenie 33-e k "Trudam po prikladnoy botanike, genetike i selektsii". Leningrad: Izd-vo Vsesoiuznogo instituta prikladnoy botaniki i novykh kul'tur pri SNK SSSR i Gos. instituta optychnoi agronomii NKZ RSFSR (in Russian).